

Все краски фестиваля

Андрианов Г.

Заметили ли вы, как с каждым чеховским юбилеем обретает все больший размах и новые интереснейшие грани программа праздничных торжеств? Взгляните на афишу закончившегося Всероссийского смотра спектаклей по произведениям А. П. Чехова: здесь впервые появились имена музыкальных театров, детского театра кукол, студенческого театра. Разнообразнее стали жанры – опера, оперетта, композиция по рассказам и пьесам, в том числе такая сложная, как коллаж.

Многим участникам театрального фестиваля будто тесными стали рамки одной пьесы или рассказа, столь велико их стремление дать возможно более широкое обобщение изображенной Чеховым эпохи. Не поэтому ли родился в коллективном творчестве участников народного студенческого театра «Манекен» Челябинского политехнического института (режиссер А. А. Морозов сказал им: «Ребята, ищите у Чехова то, что вас задевает») названный выше коллаж. Он соткан не то что из отдельных рассказов – из выхваченных отдельных фраз, слитых общим трудом в новый и все же чеховский текст. В результате «Моя жизнь» у челябинцев егусток философии писателя, его любимых идей.

Почему это происходит? Классика тем и притягательна, тем и современна, что концентрирует в себе общечеловеческие проблемы. Вот почему мы вновь и вновь обращаемся к ней, ища ответы на наши вопросы.

Но каких ответов мы ждем при этом? Классик не скажет, как поступать в такой-то конкретной ситуации, ибо жизнь рождает новые. Он скажет главное: каким быть, чтобы вести себя достойно в любой ситуации. Вот вечный нравственный урок классики. Передать его нам в наивозможной полноте и стремятся создатели сценических композиций.

У каждой из них есть свои достоинства, но наибольшее впечатление производит «Моя жизнь», театра «Манекен» по рассказу «Палата № 6» и многим другим. Столь яростную атаку на самый страшный сегодня порок – равнодушие к чужой боли, атаку не только с самозабвенным пылом молодости, но и со всей гражданской яростью людей, глубоко проникшихся Чеховым, до сих пор не приходилось видеть на сцене.

Доктор Рагии, нелепо для себя попавший в психиатрическую больницу как больной, проходит в спектакле путь от мгновенно павшего духом человека до протестанта, неистово бьющего кулаками в дверь. А все это сделала вереница... Рагииных, прошедших перед ним, как ожившие мгновения так бездарно прожитой жизни. Таков режиссерский ход: мы видим как бы разные варианты Рагина, тех дорог, по которым он мог пойти в гот или иной решающий момент его жизни, если бы.!. Если бы все не свелось к отказу от того, за что мы любим чеховского Дымова из «Попрыгуньи» – самоотверженного служения народу.

Автор другой композиции – «Гимназия» – главный режиссер Таганрогского драматического театра имени Л. П. Чехова Г. В. Цветков использовал уникальную возможность поставить спектакль в актовом зале гимназии, где учился Чехов. Это помогает ввести нас в атмосферу увядания юных душ среди «человеков в футлярах», и не случайно в конце появляется Антоша Чехоите как воплощение протеста против гимназической казенщины, предвестие будущей чеховской сатиры.

Когда смотришь «театральные фантазии по юмористическим рассказам А. П. Чехова» главного режиссера Чечено-Ингушского драматического театра имени Х. Нураилова Р. Ш. Хакишева, кажется, пьешь бокал шампанского – так искрометна эта пестрая карнавальная суета, где каждый персонаж обозначен одной яркой, но точно найденной чертой. Лишь когда по ходу спектакля, в котором чеховский юмор так чудесно слизается с типично кавказским, начинается «Юбилей», действие вдруг «буксует» на месте. Но это поправимо.

Если выстроить все спектакли фестиваля в воображаемую линию, кажется, будто смотришь одну долгую человеческую жизнь. Казалось бы, что общего между Ваней Жуковым, который, склонив светловолосую голову, пишет – поет шемящим сердце дискантом горестное письмо на деревню дедушке, и седовласым, в орденах, заслуженным морским офицером Ревуном-Карауловым? Но в операх «Ванька» и «Свадьба» композитора Л. Ход-миева в постановке художественного руководителя Московского камерного музыкального театра Б. А. Покровского и ребенок, и старик равны в своем пусть беспомощном про teste против наглого хамства хозяев жизни.

Иной, не трагический, а сатирический оттенок – по законам оперетты – получает «Свадьба с генералом» композитора Е. Птичкина в спектакле Свердловского театра музыкальной комедии.

Когда в спектакле «Иванов» Таганрогского драматического театра в постановке В. И. Ненашева Лебедев робко спрашивает мучающегося от овладевшего им, безволия Иванова: «Может, тебя среда заела?» – тот отвечает горьким смехом. Горьковская мысль – человека создает его сопротивление среде – жила уже в Чехове, ею он мерил своих героев.

Не расслабляться в неустанном душевном сопротивлении пошлой среде, стойко принимать ее удары – пусть не по щекам, как пришлось Ване Жукову, а только по нервам, по самолюбию, мечтам – звал

Чехов с своих пьес. Силу тебе для этого даст сознание высокой цели. Неуклонное следование ей дает крылья Нине Заречной в спектакле «Чайка» Челябинского драматического театра имени С. Цоиллинга, и даже Тригорин в своем исповедальном монологе мощно, совсем нетрадиционно оттесняет Трепльсва на второй план. Такова трактовка этих образов режиссером А. А. Морозовым.

Мы увидели двух Войничских – в спектакле Липецкого драматического театра имени Л. Н. Толстого и в спектакле Ростовского драматического академического театра имени М. Горького. Липецкий режиссер В. М. Пахомов точно следует и букве, и духу пьесы «Дядя Ваня». Что же касается спектакля ростовчан, то здесь образ Войничского неоправданно принижен. Почему-то режиссер Л. Шапиро считает его... шутком в глазах Чехова, хотя это вовсе не так. Отсюда не уместное комикованье в трагической сцене стрельбы в Серебрякова. Л. ведь здесь с потрясающей силой вырывается целый вулкан чувств, обуревающих Войничского, осознавшего, что он всю жизнь отдал не высокой цели, а благополучию ничтожной бездари.

Чеховские пьесы настолько сложные художественные организмы, что нельзя абсолютно ничего додумывать, то, чего в них нет. «Чайка» челябинцев была бы еще прекраснее, если бы каждый акт не завершался придуманным режиссером мини-финалом, в котором действующие лица застывают, как в немой сцене «Ревизора», и вновь звучит только что произнесенный заключительный диалог. Что дает эта тавтология?

В спектакле ростовчан Соня, произнеся свой последний монолог, садится на качели и взлетает ввысь, как на ракете.

Зачем? Живая ткань чеховских пьес так тонка, что не выдерживает подобной прямолинейной символики и рвется.

Это со всей ясностью показал прошедший смотр, хорошо начавшийся спектаклем «Вишневый сад» Московского театра сатиры и великолепно завершившийся концертом выдающихся мастеров МХАТа, давших урок бережного отношения к чеховской драматургии.

Дни Всероссийского смотра чеховских спектаклей порадовали нас не только открытием новых для нас талантливых коллективов на театральной карте страны, не только всей радугой красок современного, творчески ищущего нового форса театра. Мы услышали во всех спектаклях призыв нашего земляка: «Обойти то мелкое и Призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставай, друзья!» – и всем сердцем откликнулись на него.